

Научная статья

УДК 347

doi: 10.17223/22253513/54/9

Современные представления о легальных межотраслевых понятиях субъектов

Раиса Петровна Мананкова¹, Галина Георгиевна Пашкова²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *oykon@rambler.ru*

² *Pashkova.Pashkova24@yandex.ru*

Аннотация. Продолжается развитие темы правовых понятий. В качестве предмета исследования выбрано межотраслевое понятие как структурно и содержательно сложное явление. Обосновывается его роль в качестве элемента юридической методологии. Отмечается характерное для юридической науки игнорирование либо недооценка трудов философов в области теории познания. Понятие как предмет исследования в диалектической логике рассматривается в двух значениях: как форма постижения сущности и как часть суждения. Критически оценивается современный акцент на юридической технике, проблемах терминологии в ущерб понятийному аппарату. Приводятся показательные примеры рассогласованности норм, раскрываются функции межотраслевых понятий.

Ключевые слова: межотраслевые понятия, взаимодействие, соотношение, специфика, функции

Для цитирования: Мананкова Р.П., Пашкова Г.Г. Современные представления о легальных межотраслевых понятиях субъектов // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 54. С. 149–165. doi: 10.17223/22253513/54/9

Original article

doi: 10.17223/22253513/54/9

Current views on legal interdisciplinary concepts of entities

Raisa P. Manankova¹, Galina G. Pashkova²

^{1, 2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *oykon@rambler.ru*

² *Pashkova.Pashkova24@yandex.ru*

Abstract. The article studies the theory of legal concepts. The problem of imperfection of the conceptual and categorical apparatus was identified in the works of Soviet scientists. With varying success, mainly on a fragmentary level, the theory of concepts in law is still being formed. In recent years, the interest in legal technique has clearly manifested itself, the now famous forum was held, and, contrary to expectations, it was not concepts, but terms, i.e. words and word combinations denoting concepts, that were

in the centre of attention. The article explains the reasons for ignoring or underestimating the concepts and the consequences in the form of inconsistency of many norms in the system of current legislation. There are many negative assessments from the side of scientists - branch specialists, whose opinion is not always taken into account when creating the next draft law. Although without doctrine a benign legal concept is unlikely to appear.

The article focuses on one kind of concepts - inter-sectoral concept (ISC). Its specificity, content and functions are shown. The theoretical basis of judgements and conclusions was philosophical developments in the field of the theory of cognition. On concrete material, and first of all in federal laws, defects of the conceptual apparatus are shown.

Cross-sectoral concepts by their functions are an element of methodology in legal sciences. They consolidate the normative mass and reduce its volume much more effectively than the notorious 'regulatory guillotine'. Branch scientists enrich and update the system of legislation, cleanse it from duplication. The uniformity of theorists naturally stabilises the practice of law enforcement.

The paper concludes that it is necessary to continue theoretical research on the topic of interdisciplinary concepts. The tasks for the future should be precisely defined and formulated with the participation of specialists from different industries. The usual sectoral isolation, with all its advantages, divides scientists even where it is necessary to unite in the name of common goals.

Keywords: interbranch concepts, interaction, correlation, specificity, functions

For citation: Manankova, R.P. & Pashkova, G.G. (2024) Current views on legal interdisciplinary concepts of entities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 54. pp. 149–165. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/54/9

Любой юрист, особенно практикующий, иногда обнаруживает в привычном тексте нормативного акта чужеродную фразу, термин, словосочетание (в Уголовном кодексе, например, в гл. 22 – «Преступления в сфере экономической деятельности»). Присутствие в одном акте норм различной отраслевой принадлежности уже давно не удивляет. Общеизвестно, что «чистых» отраслей не бывает, отрасли взаимодействуют. Механизм взаимосвязи держится на многих и сложных инструментах, среди которых первенство принадлежит правовым понятиям. Советские ученые разработали и обосновали теорию отраслевой структуры права. Каждая отрасль имеет свою систему фундаментальных юридических понятий: понятия преступления, наказания, компетенции, правосубъектности, собственности, обязательства и др. Фундаментальные и иные отраслевые понятия, отраслевые теоретические конструкции образуют «единый, четко налаженный механизм, стройную, во всех своих подразделениях согласованную систему, координированную в одних и субординированную в других образующих ее составных частях» [1. С. 103]. «Конечно, существует и межотраслевая терминология, но каждый ее образующий термин наполняется специфическим содержанием, отражающим своеобразие отраслевого механизма правового регулирования. В качестве примера можно привести такой термин, как “договор”, который применяется в международном, административном, гражданском и трудовом

праве, праве социального обеспечения и имеет качественно различное содержание» [2. С. 66].

Кроме фундаментальных, нормативную массу скрепляют и упорядочивают отраслевые (внутриотраслевые) юридические понятия. Известно множество классификаций понятий, основанных на различных критериях. В последние годы особенно заметен интерес к тематике классификаций специалистов в области права социального обеспечения [3. С. 605]. Как и любая другая отрасль, право социального обеспечения располагает собственной терминологией, однако, по нашему мнению, в теории права социального обеспечения и в нормативной практике вопросам понятийного аппарата должного внимания не уделяется. Видимо поэтому в нормативных актах, регламентирующих сферу социального обеспечения, достаточно часто присутствует «терминологическая неразбериха». В частности, в качестве примера можно привести пресловутый Федеральный закон от 22.08.2004 № 122-ФЗ, который у населения получил название «О монетизации льгот» (Федеральный закон «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”»).

Одним из существенных недостатков этого закона явилось то, что в нем размывается смысл и нарушается соотношение некоторых понятий, используемых в социальном обеспечении, в частности, понятий «льготы», «социальная защита», «социальная поддержка», «компенсация», «социальная помощь», «социальная гарантия». В соответствии с указанным законом понятие «льготы» заменяется термином «меры социальной поддержки». Несомненно, реформирование льгот – мера необходимая, давно назревшая, поскольку существовавшая система льгот имела множество недостатков. Однако при принятии нормативных правовых актов нельзя просто заменять один термин другим только потому, что понятие «льготы» стало непопулярным [4. С. 72], поскольку нередко им обозначались должностные привилегии, которые вызывали «наибольшее недовольство, осуждение, раздражение людей в России и в советское время, да и сейчас» [5. С. 46].

Социальная поддержка в названном законе определяется как система мер, обеспечивающая социальные гарантии тем или иным категориям граждан. Определение расплывчатое и не позволяет выявить истинный смысл понятия на его основе. Получается, что законодательно неопределенное понятие пытаются определить с помощью такого же законодательно неопределенного понятия. Попытка дать разъяснения некоторых понятий была предпринята в подзаконном акте (постановление Министерства труда и социального развития РФ от 29 января 1997 г. № 1/30), однако в нем определения даются применительно к социальной защите инвалидов. Социальная

поддержка определяется как одноразовые или эпизодические мероприятия кратковременного характера при отсутствии признаков социальной недостаточности (т.е. социальных последствий нарушения здоровья, приводящих к ограничению жизнедеятельности человека и необходимости его социальной защиты или оказания социальной помощи). Социальная помощь – периодические и (или) регулярные мероприятия, способствующие устранению или уменьшению социальной недостаточности. В законе «О статусе военнослужащих» меры социальной поддержки носят название социальных гарантий и компенсаций.

В учебной и научной литературе определение социальной поддержки также является маловразумительным. Например, в учебнике для вузов (авторы Д.А. Никонов и А.В. Стремоухов) говорится, что социальная поддержка представляет собой «совокупность мер, указанных в федеральных законах и законах субъектов РФ, с целью повышения социально-экономического статуса граждан без учета фактов застрахованности и социальной недостаточности этих лиц» [6. С. 306]. Под социальной недостаточностью авторы понимают уровень среднедушевого дохода ниже прожиточного минимума. Следовательно, социальная поддержка оказывается как лицам со среднедушевым доходом ниже прожиточного минимума, так и лицам, кто имеет доход выше прожиточного минимума. Даже высказывается мнение, что социальная помощь и социальная поддержка – это одно и то же [7. С. 19].

Вполне понятно и стремление обосновать необходимость кодификации социально-обеспечительного законодательства, поскольку проблема систематизации и допустимой унификации социально-обеспечительного законодательства назрела давно. По мнению ряда ученых, наукой права социального обеспечения «накоплен достаточный массив знаний, который уже давно требует системного осмысления и законодательного оформления в кодифицированном нормативном акте» [2. С. 605–614]. Разрозненность законодательства порождает серьезные отрицательные последствия как для правоприменителей, так и для нуждающихся граждан, заинтересованных в оказании помощи или содержании. Убедительно аргументируя необходимость принятия Социального кодекса, В.С. Аракчеев тем не менее делает вывод о том, что в настоящий период необходимые экономические, политические, идеологические, теоретические предпосылки для принятия Социального кодекса отсутствуют. «Поэтому более целесообразным и в определенной степени достаточным на текущий момент в части приведения в систему социально-обеспечительного законодательства следует считать разработку и принятие на федеральном уровне не кодекса, а базового закона “Об основах социального обеспечения в РФ”, который был бы ориентирован на определение основных направлений государственной политики в сфере социального обеспечения, принципов, на разграничение полномочий между федеральным, региональным и местным уровнями, а также на закрепление унифицированных нормативных положений о формах и видах социально-обеспечительных предоставлений, основаниях и условиях их назначения» [8. С. 19–20].

Заслуживают внимания аргументы, выводы и предложения и других известных ученых [9. С. 117–122]. Однако есть и оппоненты, тоже убедительно и с вескими аргументами отвергающие не только целесообразность, но и саму возможность появления такого закона.

Пока на федеральном уровне вопрос принятия Социального кодекса остается открытым, в субъектах Федерации принимаются свои кодексы. В настоящее время приняты и действуют: Социальный кодекс Белгородской области от 28 декабря 2004 г. № 165; Кодекс Омской области о социальной защите отдельных категорий граждан от 19 июня 2008 г. № 225; Социальный кодекс Ярославской области от 19 декабря 2008 г. № 65-3; Социальный кодекс Санкт-Петербурга от 22 ноября 2011 г. № 728-132 и др.

У цивилистов по существу сложилась аналогичная ситуация с огромным законодательством о чрезвычайных ситуациях. И также актуальна проблема единого нормативного акта. В.Б. Гольцов в своей докторской диссертации предложил кодифицировать законодательство о чрезвычайных ситуациях, приняв Кодекс чрезвычайных ситуаций РФ. Возражая ему, А.И. Фролов полагает, что законодательство о чрезвычайных ситуациях настолько многообразно, что принятый для него отдельный кодифицированный акт будет характеризоваться низкой эффективностью в связи с возможным наличием значительного числа общих норм и формулировок, деклараций, принципов, отсылки к прочим актам законодательства, дублирований [10. С. 7–71].

В современных классификациях правовых понятий среди других стали называть межотраслевые понятия. И это только один из примеров заметной актуализации малоизученной проблематики существующих взаимосвязей. В имеющихся публикациях затрагиваются, как правило, частные проблемы, возникающие в практике автора. Из советского времени сохраняет свое значение в теоретической части монография профессора Томского государственного университета И.В. Федорова [11. С. 202]. Особенно важны его выводы сейчас в связи с весьма спорной идеей академика М.И. Клеандрова о создании Предпринимательского кодекса РФ.

Большим событием в цивилистическом сообществе в свое время стала докторская диссертация М.Ю. Чельшева [12. С. 346–355]. Идея о системе межотраслевых связей гражданского права уже успешно реализуется и имеет огромный потенциал для будущих исследователей.

Взаимодействие отраслей осуществляется прежде всего через понятия. Отсюда и определение межотраслевого понятия как понятия, используемого в двух и более отраслях права [13. С. 110]. Оно обычно так и называется в юридическом научном обиходе и, как видно, отражает только служебную роль этого правового явления. В действительности межотраслевое понятие представляет собой структурно и содержательно сложный правовой феномен.

Если сконцентрировать доступную информацию, в основном фрагментарного характера, то получится некий правовой массив, напоминающий «поскутное одеяло». Естественно, что оценки и выводы исследователей в значительной мере субъективны. К тому же, как известно, приоритет имеют

философы, поскольку это их епархия. Большой вклад в отечественную теорию познания внес профессор Томского университета П.В. Копнин. Понятие как предмет исследования в диалектической логике рассматривается в двух значениях: как форма постижения сущности и как часть суждения [14. С. 117].

В словарях обычно различается само понятие и его содержание, а в юридической литературе чаще всего их отождествляют. «Между тем для отождествления понятия любого явления и его содержания нет оснований, несмотря на их взаимосвязь» [15. С. 12]. Понятие – это форма (способ) обобщения предметов и явлений; мысль, представляющая собой обобщение (и мысленное выделение) предметов некоторого класса по их специфическим (в совокупности отличительным) признакам. Это целостная совокупность суждений о каком-либо объекте, ядром которого являются суждения, отображающие существенные признаки. Содержание понятия – это отображенная в сознании совокупность свойств, признаков и отношений предметов, ядром которых являются отличительные свойства, признаки и отношения [16. С. 287, 351].

В теории права азы философской науки о понятиях давно усвоены (Н.В. Витрук, Н.И. Матузов, В.Я. Патюлин и др.). Более того, сформировалось еще в советское время и стало одним из магистральных направлений исследование правового положения личности. В последние десятилетия заметно возрос интерес к защите субъективных прав граждан в отраслевых науках. Выявляются и общие проблемы, обусловленные грандиозными радикальными событиями и их последствиями (распад СССР, явление частной собственности). Неудержимо растет нормативная масса, и это формирует новую заботу юридического сообщества и новое направление в науке – совершенствование юридической техники [17. С. 229–230]. Акцент теперь сделан на терминологию, терминах, а не на понятиях.

Нельзя сказать, что проблемами юридической техники у нас не занимались, напротив, известны работы С.С. Алексеева, Д.А. Керимова, М.Н. Марченко, Ю.А. Тихомирова и др.

Законопроектная деятельность команды А.Л. Маковского, представляющей цвет отечественной цивилистики, уже высоко оцененная специалистами, дает возможность увидеть реальный вклад в теорию познания права и правоприменения. Напрашивается вывод о целесообразности создания теоретического отчета в форме монографии в соавторстве философов и цивилистов. Кроме основной аудитории профессиональных ученых такого рода издания были бы неоценимы в учебном процессе. Представители старшего поколения еще не забыли советские учебники по истмату и диамату, когда юристам приводились примеры из физики, биологии и ни одного из правовой действительности.

Результаты многолетнего творческого труда цивилистов свидетельствуют о значительном вкладе в решение старой проблемы несовершенства понятийного аппарата. Создана надежная обоснованная теоретическая платформа для предстоящих научных исследований.

В других отраслях, судя по последним публикациям, в центре внимания находится учение о законодательной технике. Его общие положения связывают с именами И.Л. Брауде, С.С. Алексеева, Д.А. Керимова, В.М. Сырых, Ю.А. Тихомирова, Т.В. Кашаниной, М.Б. Костровой.

Под юридической техникой понимается «совокупная связь определенных приемов, применяемых как при разработке содержания и структуры правовых предписаний государства, так и при претворении в жизнь» [18. С. 93]. Законодательная техника имеет прикладное значение, так как необходима только для оформления процесса подготовки качественного правового акта.

На данном этапе развития отечественного законодательства это направление актуализировалось не случайно. Кроме безудержного роста нормативной массы, неистребимого даже и путем «регулятивной гильотины», были и сохраняются другие обстоятельства. В частности, вопросы качества принципиально новых норм.

И.В. Лозинский, известный аналитик новелл уголовного законодательства, отмечает, что «большинство уголовно-правовых запретов не были известны ни уголовному законодательству, ни уголовно-правовой науке, ни правоприменительной практике советского периода... большинство новелл вводились “интуитивным путем”» [19. С. 3–6].

Процесс создания безупречного по идее законодательства оформляется в соответствии с требованиями юридической техники. Одним из главных условий при этом является терминологическая точность обозначаемого явления. Термин определяется и в словарях, и в науке по существу одинаково, а именно как слово или словосочетание, которое точно обозначает определенное понятие. «Юридический термин – слово (словосочетание), которое употреблено в законодательстве, является обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, и отличается смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью» [20. С. 65]. Одним словом, термин в юридической технике – это главное действующее лицо, это наименование понятия. Он не просто обозначает понятие, а еще и закрывает его. Правоприменитель видит не понятие, а текст (слово или сочетание слов). Поэтому легче изучать, анализировать слова, чем теоретизировать о понятиях.

В упомянутом ранее отчете о форуме по юридической технике серьезно о понятии как исходном правовом явлении и вообще о значении доктрины по существу высказался только профессор МГИМО А.А. Малиновский. И выходит, что на форуме проблему понятий по большому счету обошли.

Из того, что понятия «спрятаны» под терминами и не видны, и это норма, следует несколько выводов. Во-первых, еще долго понятийно-категориальный аппарат в отечественной доктрине будет несовершенным. Во-вторых, правоприменители по-прежнему будут «спотыкаться» на терминах и толковать закон по своему усмотрению. Остается лишь надеяться, что придет

время и для форумов по понятийному аппарату. Предстоит определенно отвечать на бесчисленное множество вопросов, которые были заданы еще в советское время [19. С. 45–70], а также выдвинулись на первый план сейчас.

В рамках настоящей статьи возможен лишь краткий обзор информации о состоянии понятийной составляющей в действующем отечественном законодательстве и науке. Акцент здесь сделан на специфике межотраслевых правовых понятий (МОП), как явлении сравнительно малоисследованном.

Как разновидность общенаучного понятия МОП должно отвечать общим требованиям. Должны быть определены его существенные признаки, как правовые, так и не правовые. Так, понятие семьи, наряду с безусловно юридическими характеристиками, содержит такие признаки, как «общность жизни», «малая социальная группа». Это понятие, господствующее в доктрине, успешно работает и в качестве легального (в частности, в Республике Беларусь).

Целевое назначение соответствующего понятия сейчас принято отражать стандартной фразой «для целей настоящего закона». Так, например, Федеральным законом от 21.07.2014 № 217-ФЗ в Жилищный кодекс РФ был введен раздел III.2 «Наемные дома». В статье 91.16 «Наемный дом» закреплено теперь его легальное понятие. «Предназначенным для найма домом – наемным домом признается здание, которое или все помещения в котором принадлежат на праве собственности одному лицу и которое или все жилые помещения в котором предназначены для предоставления гражданам во владение и пользования для проживания». Текст громоздкий и убогий выполнен явно не специалистом, но эту норму приходится уважать и исполнять.

Должна быть обоснована необходимость в конкретном понятии. Известно, что упоминаемое в законодательстве словосочетание «цифровая зрелость» не имеет под собой соответствующего понятия. То есть наблюдается довольно редкий казус – термин уже есть, а понятия еще нет. Интересно, что специалисты в области информационного права, которым и приходится заниматься этими вопросами, склонны оправдываться. В частности, они упрекают цивилистов в неразработанности блока частноправовых норм в системе информационного законодательства [20. С. 107–116].

Правовое понятие должно быть своевременным, нужным для решения повседневных социальных вопросов. Ушли в прошлое такие понятия, как «нетрудовой доход», «тунеядец», «октябренок», «сельсовет» и другие, многие годы занимавшие умы советских ученых. Но жизнь радикально изменилась, новые технологии обусловили даже не прогнозируемый в юридической литературе негативный эффект в системе законодательства. Миллионы бывших советских граждан по существу перестали ориентироваться в новых реалиях, в новых понятиях и терминах. На бытовом уровне это сопровождается массовыми злоупотреблениями со стороны операторов связи, банков, торговых организаций и других субъектов. Очевидно, первоочередные меры уже принимаются, но сама проблема далека от решения. И здесь напрашивается вопрос о перспективах и задачах правовой науки. Представ-

ляется, что необходимо разработать комплекс нормативных актов разноотраслевого назначения, доступных рядовому обывателю. Для этого потребуются не только средства, но и кадры, способные подготовить закон, понятный любому человеку¹. Вот тогда и понадобятся современные разработки по теории юридической техники. А пока наблюдается усиление внимания к межотраслевым правовым понятиям, что, естественно, обусловлено комплексом известных обстоятельств.

Трансформация правовых систем – первопричина радикальных изменений, уже происходящих и грядущих, во всех сферах, в том числе и в отечественной науке. Далеко ходить за примерами не нужно, специалисты в области уголовного права до сих пор под сильным впечатлением от нашествия частноправовых конструкций. На момент принятия УК РФ 1996 г. не было четкого и однозначного представления о сущности уголовной политики в сфере экономических отношений. Советская наука имела совершенно иные представления об экономической деятельности – подавление любой частнопредпринимательской инициативы, конкуренции и др. [19. С. 3–4].

Пришло время и для более активного внедрения в научный оборот давно известного правового явления – межотраслевого понятия – МОП. Потребность в нем не вызывает сомнений: упорядочивать безразмерную нормативную массу жизненно необходимо. Но нужны отработанные надежные конструкции, приемы, методы, т.е. методология. МОП и является элементом такой методологии и потому требует детального исследования. Пока же сведений о нем немного; иногда они противоречивы, а в целом фрагментарны. Тем не менее теория межотраслевых понятий, так или иначе, формируется.

Серьезно осложняет этот процесс и обуславливает противоречивое состояние доктрины по ряду принципиальных вопросов известный дисбаланс между традиционной мировой и советской структурами права. Они сейчас в России сосуществуют. Отраслевая структура права по-прежнему пронизывает все сферы современной жизни. От нее отказаться пока явно невозможно, так же как и от публичного и частного права. Уже никого не надо убеждать и переубеждать; факт их одновременного действия налицо. И как долго продлится такой тандем, вряд ли можно уверенно предсказать. Отсюда и прогнозы на перспективы научных результатов. Во всяком случае, наука будет развиваться в любых условиях. Философы убеждены в том, что развитие науки – это ее свойство.

Словосочетание «межотраслевое правовое понятие» отражает только одну из его характеристик, а именно служебную роль. Оно работает в нескольких отраслях, оно собственно и возникает в момент появления в другой отрасли. Так, например, в гражданское законодательство проникли «чу-

¹ Очень интересные сведения приводит И.В. Лозинский, ссылаясь на труды А.О. Луначарского, П.И. Стучки, А.Я. Вышинского. Даже в законе (СУ РСФСР. 1925. № 9. Ст. 64) говорилось о необходимости «установления строжайшего наблюдения за более понятным для крестьянских масс изложением законов» [19. С. 127–128].

жие» термины из трудового и уголовного права. В статье 62 Основ гражданского законодательства 1962 г. (ст. 334 ГК РСФСР) предусматривалось выселение без предоставления другой жилой площади рабочих и служащих, прекративших трудовые отношения в связи с увольнением по собственному желанию или за нарушение трудовой дисциплины, или за совершение преступления.

В принципе, любое из простых, в смысле существующих в конкретной отрасли понятий, может быть заимствовано другой отраслью. Разумеется, с общей оговоркой – в рамках данной правовой системы. Потому что в самые сложные времена было много фактов неоправданного внедрения в российский правовой оборот иноземных конструкций. Причины уже названы, ошибки признаны, уроки усвоены. Но вопросы остались.

Понятие, стремящееся и подходящее для использования в иных отраслях, само предполагается безупречным. По меньшей мере, оно должно отвечать вышеупомянутым требованиям. Однако уверенно можно утверждать о высоком качестве лишь немногих понятий (в уголовном праве – преступление, наказание; в частном праве – понятие юридического лица и некоторых способов обеспечения исполнения обязательств). Складывается впечатление, что иногда главную цель составители законопроектов видят не в содержании понятия, а в обозначаящем его термине, во внедрении его в текст нормативного акта во что бы то ни стало. Цивилисты и до сих пор не могут договориться о соотношении понятий «изменение», «прекращение», «преобразование», «ликвидация». В значительной степени основания дает закон. Структура первой части ГК РФ, по уважительным в основном причинам, оказалась несовершенной, противоречивой. Сейчас уже слабые места выявлены, но «поезд ушел». Новым поколениям юристов, не привыкших читать вообще, придется полагаться на собственное усмотрение.

Как предмет правового исследования МОП должен быть охарактеризован во всех своих проявлениях. Из его наименования следует вывод о том, что это понятие легальное. В литературе, однако, на это не обращается по существу никакого внимания. Дошло ли доктринальное понимание до уровня легального, оказывается не так уж и важно. Между тем существует известная проблема реализации научных результатов, игнорирования теоретических разработок. Огромный потенциал составляют диссертации. Даже по авторефератам видно, что в оборот предлагается ввести, по меньшей мере, одно понятие, так называемое «авторское понятие». Решить эту проблему не просто можно, а крайне необходимо.

Доктринальные представления о МОП как предмет исследования реально существуют и обеспечивают динамику легальных понятий, поэтому на данном этапе развития нашей науки еще рано разводить эти понятия.

Основной массив легальных МОП сосредоточен в федеральных законах и кодексах. Встречаются суждения о том, что большая часть легальных понятий посвящена субъектам. Никто, разумеется, не считал их, но обилие дефиниций о субъектах впечатление производит. Другое дело, что представ-

лены в законе эти понятия по-разному. Самый простой в этом смысле вариант отражен в процессуальных законах. В УПК РФ в четких формулировках определены понятия субъектов – участников уголовного судопроизводства как со стороны обвинения, так и со стороны защиты, а также и иных участников (свидетель, эксперт, специалист, переводчик, понятой – ст. 56–60). В ГПК РФ, на первый взгляд, дублируется понятие свидетеля, закрепленное в ст. 56 УПК РФ. При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что тексты не совпадают по существу. «Свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства (подчеркнуто нами. – *Авт.*), имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний» (ч. 1 ст. 56 УПК). В части 1 ст. 69 ГПК от свидетеля требуются известные ему сведения об обстоятельствах, но не называется существенное условие о необходимости его вызова в суд в этом качестве. Но суд не вправе ссылаться на показания не явившегося свидетеля, несмотря на его позицию, в частности, на следствии. Эта ситуация порождает и теоретическую неопределенность. Является ли понятие «свидетель» только отраслевым (даже внутриотраслевым)? Можно ли его использовать как межотраслевое в других отраслях права, допустим, за пределами процессуальных отношений. Ведь в трудовом, семейном, жилищном законодательстве без упоминания свидетеля не обойтись.

Приведенный факт не является исключением, как раз напротив. В литературе приводится довольно много примеров рассогласованности, неточности типичных понятий и обозначающих их терминов. Одной из причин считается узкая специализация, замкнутость во внутриотраслевых тонкостях. Но удивляет небрежность и безответственность, проявляющаяся в течение уже нескольких десятилетий. Даже в кодексах неоднозначно обозначаются традиционные правовые явления, такие как невменяемость, непреодолимая сила, участники и т.д. В статье 5 Земельного кодекса РФ субъекты земельных отношений названы участниками и предложено, в частности, следующее понятие: «собственники земельных участков – лица, являющиеся собственниками земельных участков». Ни больше, ни меньше!

Дефицит понятийного аппарата заметно сокращается за счет федеральных законов, в структуре которых, как правило, присутствует раздел «Основные понятия» (ФЗ от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи»; ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»; Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» от 12.12.2023 № 565-ФЗ). Прежде всего теоретический интерес представляют нормы о субъектах.

Самый популярный Закон «О защите прав потребителей» появился в результате мощной теоретической разработки известными цивилистами (А.Е. Шерстобитов, в первую очередь). Именно поэтому уже более 30 лет этот закон продолжает быть образцом. Многократные изменения и дополнения обусловлены потребностями стремительной действительности. Субъектами этих отношений теперь признаны кроме традиционных потребителя, изготовителя, исполнителя и продавца новые, непривычные фигуры:

1) «уполномоченная изготовителем (продавцом) организация или индивидуальный предприниматель... уполномоченная на принятие и удовлетворение требований потребителей в отношении товара ненадлежащего качества»;

2) импортер – лицо, «осуществляющее импорт товара для его последующей реализации на территории Российской Федерации»;

3) «владелец агрегатора информации о товарах (услугах)...» [21].

В межотраслевом характере понятий всех названных субъектов вряд ли можно сомневаться. Скорее они обслуживают все отрасли, являются общеправовыми.

Во многих федеральных законах родовое понятие субъекта закрепляется как исходное в безупречной формулировке, а производные можно вывести только из смысла самого текста (инвалид, ветеран, пенсионер)¹. Как вариант – при использовании может привлекаться другой нормативный акт, входящий в эту систему законодательства.

Особый разговор о понятиях субъектов обязательств по оказанию услуг. В конце 1990-х гг. цивилисты обнаружили рост числа федеральных законов, посвященных услугам. Объяснение было на поверхности: в ГК РФ появилась глава 39 «Возмездное оказание услуг». Это было важнейшим событием и на долгие годы определило состояние теории частного права. Спектр услуг сейчас неизмеримо возрос, особенно в сравнении с убогими бытовыми услугами советского времени. Основоположники учения об услугах (Н.А. Баринов и А.Ю. Кабалкин) оставили очень ценное наследие, необходимое для современных специалистов. Понятие «услуга» на глазах становится общеправовым и продолжает всесторонне исследоваться в связи с новыми технологиями.

Во многих отраслях упоминаются в числе субъектов «близкие лица». В УК РФ это словосочетание обнаруживается, в частности, в ст. 105, 112, 117, 309, 311, 317, 318, 320. Неудачной попыткой дать легальное определение понятия «близкие лица» стало Примечание к ст. 116 УК РФ. Реакция среди специалистов была на редкость быстрой, а полемика довольно жесткой. В результате ст. 116 существенно подправили. Но остались вопросы без ответов. Действительно ли нужно общее понятие «близкие лица» («близкие родственники» как производное, часто упоминаемое в процессуальных отраслях).

Застарелая проблема несовершенства отдельных норм в ст. 5 УПК «Основные понятия, используемые в настоящем кодексе» продолжает игнорироваться, а нормы оставаться конкретным образцом коррупциогенности. Прежде всего, речь идет о нормах п. 3, 4 и 37 ст. 5 УПК. При желании навести порядок эту проблему можно решить, используя как советский опыт, так и результаты современных частноправовых исследований. Если коротко, то

¹ ФЗ от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»; ФЗ от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах»; ФЗ от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях».

нужно применить межотраслевую конструкцию состава семьи. Еще в Положении о льготах военнослужащим 1981 г. детально было прописано, кому из членов семьи и что именно положено. В современной семейно-правовой науке тоже различают разновидности субъектов семейных правоотношений. Общие понятия «близкие лица», «близкие родственники» оказываются и ненужными, нормы должны быть гибкими, способными наполняться различными составами субъектов в зависимости от цели, которую ставит законодатель.

В методологическом плане конструкция состава субъектов давно оправдала себя, причем вовсе не с помощью доктрины. Российская правовая система изначально держится на старинных понятиях как из собственной истории, так и заимствованных. Современные фамилиаристы получили от предшественников понятийный инструментарий, созданный в основном на базе церковного права, в готовом состоянии. К сожалению, его не удалось улучшить; более того, наше семейное законодательство требует радикальных изменений.

Ценность и своеобразие терминологии в семейном законодательстве России заключается в точности, краткости, стабильности основных понятий субъектов. Они обозначаются формулами, квалифицирующими гражданина как субъекта семейных правоотношений. Эти формулы живут веками и понятны каждому: отец (мать), сын (дочь), брат (сестра) и т.д. За каждым словом-формулой незримо стоит соответствующий правовой статус. Задача современников – сохранить эту конструкцию понятий-формул в условиях проникновения безумных идей трансгендеров.

Вечно актуальная тема наследования в доктрине потрясает масштабами и глубиной исследований. Казалось бы, что ни одного неизученного места уже не осталось, но нет, накал теоретических страстей не ослабевает. Происходят чередующиеся процессы обогащения законодательства и, следом, разрушения многовековых конструкций (тайны завещания, в частности). И на этом фоне обнаруживается парадоксальное явление – при необозримом множестве субъектов наследственных правоотношений (прижизненных и посмертных) в законодательстве нет ни одного понятия соответствующего субъекта.

Субъектов в действительности много; точного перечня нет, поскольку теоретики об этом пока не договорились. Наследодатель, завещатель, наследник, потенциальный (возможный, эвентуальный) наследник, отказополучатель, рукоприкладчик, исполнитель завещания, наследственный фонд, сторона наследственного договора – это исходные понятия; еще больше производных, например, недостойные, необходимые, подназначенные наследники и т.д. По завещанию наследником может быть любое лицо.

Правовой статус каждого субъекта можно «собрать» из текста закона, из норм ГК РФ прежде всего. Возможно создать и понятие конкретного субъекта, отвечающее обычным требованиям. В содержании такого понятия должны быть отражены его существенные признаки. Сейчас в законе видны лишь термины, т.е. слова, сочетание слов. Зато в науке есть эти понятия:

обычно они присутствуют в авторефератах, более доступных для заинтересованных лиц, как теоретиков, так и практиков. Однако не всякому доктринальному понятию суждено выбиться в легальные.

Прописные истины о взаимосвязи, функциональном родстве легальных и доктринальных понятий легко усваиваются при исследовании их межотраслевой разновидности. Восполнение дефицита в арсенале правовых категорий, корректировка и обновление действующих норм невозможны либо трудно осуществимы без надежной доктрины.

Теоретические изыскания на тему межотраслевых понятий могут продолжаться в нужном направлении в соответствии с поставленными и точно сформулированными задачами. Контуры этих задач по существу определены, теперь нужно профессиональное обсуждение с участием специалистов разных отраслей.

Привычная для нас отраслевая замкнутость при всех ее плюсах разобщает ученых даже там, где нужно объединяться во имя общих интересов и целей. Если целью является повышение эффективности и качества действующего законодательства, то одним из средств ее достижения вполне обоснованно может считаться межотраслевое правовое понятие. Как элемент юридической методологии это понятие выполняет несколько функций. Оно, несомненно, скрепляет нормативную массу и уменьшает ее объем; обеспечивает обновление и обогащение системы законодательства качественными разработками ученых-отраслевиков; единообразие теоретиков по ключевым вопросам, обуславливает стабильность практики.

Необходимость преодолевать отраслевую замкнутость и явная тенденция к сближению отраслей – таковы реалии.

Список источников

1. Иоффе О.С. Логические пределы понятий юридического лица, оперативного управления, хозяйственного обязательства // Правоведение. 1972. № 6. С. 103.
2. Аракчеев В.С. Основополагающие понятия и категории права социального обеспечения Российской Федерации // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Томск, 2019. С. 65–67.
3. Благодар А.Л. Понятия и категории права социального обеспечения // Российский ежегодник трудового права. 2012. № 8. С. 605–614.
4. Пашкова Г.Г. Льготы и меры социальной поддержки (к вопросу понятий и терминологии) // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 72.
5. Пашкова Г.Г. Социально-обеспечительные льготы (теоретический аспект). Томск, 2008. С. 46.
6. Никонов Д.А., Стремоухов А.В. Право социального обеспечения России: краткий учебный курс. М. : НОРМА, 2005. 368 с.
7. Уварова О.А., Гришук В.А. Социальная поддержка различных категорий населения в Российской Федерации: эффективность, проблемы функционирования системы // Общество, экономика, управление. 2019. Т. 4, № 1. С. 18–22.
8. Аракчеев В.С. О необходимости и целесообразности принятия Социального кодекса Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 1. С. 13–20.

9. Кобзева С.И. К вопросу о кодификации законодательства о социальном обеспечении // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 11. С. 117–122.
10. Фролов А.И. Чрезвычайная ситуация: цивилистический аспект. М. : Юрлитинформ, 2015. С. 70–71.
11. Федоров И.В. Хозяйственные связи в СССР. Томск, 1978. С. 202.
12. Чельшев М.Ю., Петрушкин В.А. О понятии, назначении и уровнях организации системы межотраслевых связей гражданского права // Основные проблемы частного права : сб. ст. к юбилею доктора юридических наук, профессора Александра Львовича Маковского / отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М. : Статут, 2010. С. 346–355.
13. Ткачев Н.И. Межотраслевые правовые понятия (методологический аспект). Понятийный аппарат науки советского гражданского права и процесса и терминология законодательных актов : сб. науч. тр. Тверь, 1991. С. 110.
14. Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973. С. 177.
15. Мананкова Р.П. Правовой статус членов семьи по советскому законодательству. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 12.
16. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 1981. С. 287.
17. Мананкова Р.П. О трансформации правовых явлений // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 229–230.
18. Энциклопедический юридический словарь / сост. О.Г. Румянцев, В.Н. Додонов. М., 1996. С. 93.
19. Лозинский И.В. Реализация принципов криминализации и законодательной техники в сфере борьбы с экономическими преступлениями. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 3–6.
20. Полякова Т.А., Минбалеев А.В. Понятие и правовая природа «цифровой зрелости» // Государство и право. 2021. № 9. С. 107–116.
21. Защита прав потребителей с образцами заявлений на 2024 год: Текст с изменениями и дополнениями на 2024 год. М. : Эксмо, 2024. 94 с.

References

1. Ioffe, O.S. (1972) Logicheskie predely ponyatiy yuridicheskogo litsa, operativnogo upravleniya, khozyaystvennogo obyazatel'stva [Logical limits of the concepts of a legal entity, operational management, and business obligation]. *Pravovedenie*. 6. p. 103.
2. Arakcheev, V.S. (2019) Osnovopolagayushchie ponyatiya i kategorii prava sotsial'nogo obespecheniya Rossiyskoy Federatsii [Fundamental concepts and categories of social security law of the Russian Federation]. In: *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 65–67.
3. Blagodir, A.L. (2012) Ponyatiya i kategorii prava sotsial'nogo obespecheniya [Concepts and categories of social security law]. *Rossiyskiy ezhegodnik trudovogo prava*. 8. pp. 605–614.
4. Pashkova, G.G. (2012) L'goty i mery sotsial'noy podderzhki (k voprosu ponyatiy i terminologii) [Benefits and measures of social support (on the concepts and terminology)]. In: *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood]. Tomsk: Tomsk State University. p. 72.
5. Pashkova, G.G. (2008) *Sotsial'no-obespechitel'nye l'goty (teoreticheskiy aspekt)* [Social security benefits (a theoretical aspect)]. Tomsk: [s.n.]. p. 46.
6. Nikonov, D.A. & Stremoukhov, A.V. (2005) *Pravo sotsial'nogo obespecheniya Rossii* [Social Security Law of Russia]. Moscow: NORMA.
7. Uvarova, O.A. & Grishchuk, V.A. (2019) Sotsial'naya podderzhka razlichnykh kategoriy naseleniya v Rossiyskoy Federatsii: effektivnost', problemy funktsionirovaniya sistemy [Social support of various categories of the population in the Russian Federation: Efficiency, problems of functioning of the system]. *Obshchestvo, ekonomika, upravlenie*. 4(1). pp. 18–22.

8. Arakcheev, V.S. (2011) O neobkhodimosti i tselesoobraznosti prinyatiya Sotsial'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [On the Necessity and Expediency of Adopting the Social Code of the Russian Federation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 1. pp. 13–20.
9. Kobzeva, S.I. (2019) K voprosu o kodifikatsii zakonodatel'stva o sotsial'nom obespechenii [On the Codification of Legislation on Social Security]. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina*. 11. pp. 117–122.
10. Frolov, A.I. (2015) *Chrezvychaynaya situatsiya: tsivilisticheskiy aspekt* [Emergency Situation: A Civilistic Aspect]. Moscow: Yurli-tinform. pp. 70–71.
11. Fedorov, I.V. (1978) *Khozyaystvennye svyazi v SSSR* [Economic Relations in the USSR]. Tomsk: [s.n.], p. 202.
12. Chelyshev, M.Yu. & Petrushkin, V.A. (2010) O ponyatii, naznachении i urovn'yakh organizatsii sistemy mezhotraslevykh svyazey grazhdanskogo prava [On the concept, purpose and levels of organization of the system of inter-branch relations of civil law]. In: Vitryanskiy, V.V. & Sukhanov, E.A. (eds) *Osnovnye problemy chastnogo prava* [The Main Problems of Private Law]. Moscow: Statut. pp. 346–355.
13. Tkachev, N.I. (1991) Mezhotraslevye pravovye ponyatiya (metodologicheskii aspekt) [Inter-branch legal concepts (methodological aspect)]. In: Chentsov, N.V. (ed.) *Ponyatiynyy apparat nauki sovetskogo grazhdanskogo prava i protsessa i terminologiya zakonodatel'nykh aktov* [The conceptual apparatus of the science of Soviet civil law and procedure and terminology of legislative acts]. Tver: Tver State University. p. 110.
14. Kopnin, P.V. (1973) *Dialektika kak logika i teoriya poznaniya* [Dialectics as Logic and Theory of Knowledge]. Moscow: Nauka. pp. 177.
15. Manankova, R.P. (1991) *Pravovoy status chlenov sem'i po sovetskomu zakonodatel'stvu* [Legal status of family members under Soviet legislation]. Tomsk: Tomsk State University. p. 12.
16. Frolov, I.T. (ed.) (1981) *Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow: Respublika. p. 287.
17. Manankova, R.P. (2023) On the transformation of legal phenomena. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 229–230. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/497/24
18. Rumyantsev, O.G. & Dodonov, V.N. (1996) *Entsiklopedicheskii yuridicheskii slovar'* [Encyclopedic Law Dictionary]. Moscow: Infra-M. p. 93.
19. Lozinskiy, I.V. (2013) *Realizatsiya printsipov kriminalizatsii i zakonodatel'noy tekhniki v sfere bor'by s ekonomicheskimi prestupleniyami* [Implementation of the Principles of Criminalization and Legislative Techniques in the Sphere of Combating Economic Crimes]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–6.
20. Polyakova, T.A. & Minbaleev, A.V. (2021) Ponyatie i pravovaya priroda “tsifrovoy zrelosti” [The concept and legal nature of “digital maturity”]. *Gosudarstvo i pravo*. 9. pp. 107–116.
21. Russian Federation. (2024) *Zashchita prav potrebiteley s obraztsami zayavleniy na 2024 god: Tekst s izmeneniyami i dopolnениyami na 2024 god* [Consumer protection with sample applications for 2024: Text with amendments and additions for 2024]. Moscow: Eksmo.

Информация об авторах:

Мананкова Р.П. – доктор юридических наук, профессор, ведущий аналитик лаборатории социально-правовых исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: loykon@rambler.ru

Пашкова Г.Г. – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой трудового права и права социального обеспечения Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Pashkova.Pashkova24@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

R.P. Manankova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: loykon@rambler.ru

G.G. Pashkova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: Pashkova.Pashkova24@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.02.2024;
одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 16.12.2024.*

*The article was submitted 15.02.2024;
approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 16.12.2024.*